

Л.С. Ахметова , С.С. Ахметов*

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: akhmetov1985@mail.ru

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУРАНШИ-БАТЫРА. ОКТЯБРЬ 1860 – СЕНТЯБРЬ 1864 гг.

Данная работа посвящена деятельности Суранши-батыра в период с 1860 по 1864 гг. Работа нацелена на исследование жизни Суранши-батыра в контексте общих исторических событий, происходивших на территории современной Алматинской области и южного Казахстана. На основании изученных научных работ и материалов Центрального Государственного архива РК проведен анализ исторических событий для дальнейшего научного освещения жизни и деятельности известных лиц казахстанской истории.

Глубже исследованы сложные и неоднозначные отношения Суранши-батыра и других казахских и кыргызских старшин друг с другом, а также с Западно-Сибирским правительством в Омске, с начальником Алатауского округа Г.А. Колпаковским в Верном и с кокандскими военачальниками.

Результаты данной работы, анализа и обзора, могут быть использованы для дальнейших научных трактовок и исследований как жизни отдельных личностей, так и истории периода второй половины XIX века в Центрально-Азиатском регионе в целом. Кроме того, учитывая малый объем информации относительно жизни Суранши-батыра и других известных деятелей, материалы данного исследования могут быть использованы для изложения в открытом доступе для всех заинтересованных в изучении истории Казахстана и России.

Ключевые слова: Суранши-батыр, Г.А. Колпаковский, Канаат-Ша, Среднеазиатские походы, Узын-Агашское сражение, Большая орда, шапырашты.

L.S. Akhmetova, S.S. Akhmetov *

KazNU named after al-Farabi, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: akhmetov1985@mail.ru

Life and work of Suranshi-batyr. October 1860 – September 1864

This work is devoted to the activities of Suranshi batyr in the period from 1860 to 1864. The work is aimed at studying the life of Suranshi-batyr in the context of general historical events that took place on the territory of modern Almaty region and southern Kazakhstan. Based on the studied scientific works and materials of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, an analysis of historical events was carried out for further scientific coverage of the life and work of famous people in Kazakhstan's history.

The complex and ambiguous relations of Suranshi-batyr and other Kazakh and Kyrgyz foremen with each other, as well as with the West Siberian government in Omsk, with the Alatau district chief G.A. Kolpakovsky in Verny, with Kokand commanders and khans.

The results of this work, analysis and review, can be used for further scientific interpretations and studies of both the life of individuals and the history of the period of the second half of the 19th century in the Central Asian region as a whole. In addition, given the small amount of information regarding the life of Suranshi-batyr and other famous figures, the materials of this study can be used for presentation in the public domain for everyone interested in studying the history of Kazakhstan and Russia.

Key words: Suranshi-batyr, G.A. Kolpakovsky, Kanaat-Sha, Central Asian campaigns, Uzyn-Agash battle, Senior Zhuz, Shapyrashty.

Л.С. Ахметова, С.С. Ахметов*

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: akhmetov1985@mail.ru

Сұраншы батырдың өмірі мен қызметі. 1860 ж. қазан – 1864 ж. қыркүйек

Бұл еңбек Сұраншы батырдың 1860–1864 жылдардағы қызметіне арналған. Жұмыс Сұраншы батырдың өмірін қазіргі Алматы облысы мен Оңтүстік Қазақстан аумағында болған жалпы тарихи оқиғалар контекстінде зерттеуге бағытталған. Зерттелген ғылыми еңбектер мен Қазақстан Рес-

публикасы Орталық мемлекеттік мұрағатының материалдары негізінде Қазақстан тарихындағы белгілі тұлғалардың өмірі мен қызметін одан әрі ғылыми тұрғыдан қамту үшін тарихи оқиғаларға талдау жасалды.

Сұраншы-батырдың және басқа да қазақ, қырғыз бастықтардың, Омбыдағы Батыс Сібір үкіметімен, Алатау уезінің бастығымен Г.А. Колпаковский Верныйда және Қоқан қолбасшыларымен күрделі және түсініксіз қатынастарды тереңірек зерттелінген.

Бұл жұмыстың, талдау мен шолудың нәтижелері жеке адамдардың өмірін де, жалпы Орталық Азия аймағындағы 19 ғасырдың екінші жартысы кезеңіндегі тарихты да одан әрі ғылыми түсіндіру мен зерттеу үшін пайдалануға болады. Сонымен қатар, Сұраншы батырдың және басқа да белгілі қайраткерлердің өміріне қатысты мәліметтердің аздығын ескере отырып, бұл зерттеу материалдарын Қазақстан мен Ресей тарихын зерттеуге қызығушылық танытатындардың барлығына қоғамдық игіліктерде ұсыну үшін пайдалануға болады.

Түйін сөздер: Сұраншы-батыр, Г.А. Колпаковский, Қанат-Ша, Орта Азия жорықтары, Ұзын-Ағаш шайқасы, Ұлы Орда, Шапырашты.

Введение

Данная работа нацелена на изучение жизни и деятельности Суранши-батыра со второй половины 1860 года (конец октября, после Узын-Агашского сражения) по 1864 год (гибель батыра). Для понимания предшествующих событий в основной части работы дана короткая справка о предшествовавших событиях.

Чтобы достичь основных целей данного исследования, а именно найти, изучить и проанализировать сведения, которые могут пролить свет на жизнь и деятельность батыра Суранши с 1860 года, были использованы материалы Центрального Государственного архива. В частности, методом исследования является изучение переписки между Г.А. Колпаковским и казахскими и кыргызскими родоначальниками и старшинами. Изучены научные работы, очерки, обзоры и статьи очевидцев событий, а также современников Суранши-батыра, ученых XIX-XX вв. для воссоздания общей картины событий тех лет. Таким образом, при помощи изучения переписок, был обнаружен еще один пласт материалов, способных не только предоставить дополнительную информацию о действиях исторических лиц, но и преподнести ценный материал для интерпретации мотивов и целей, углубленного исследования процессов и различных перипетий.

Также следует отметить, что переписка бия, батыра и прапорщика (офицерский чин русской армии) Суранши и Герасима Алексеевича Колпаковского, начальника Алатавского округа и пристава киргизов Большой орды, может представлять огромный интерес для всех людей, увлеченных историей и краеведением, а также являет собой ценнейший материал с точки зре-

ния словесности, языковедения, дипломатического этикета и т.д. Здесь проявляются черты частных взаимоотношений двух совершенно разных людей, представителей разных миров и культур, исповедующих разные религии, наряду с официальными, деловыми сношениями боевого офицера, высокого чиновника Российской империи и родового правителя, авторитетного бия и батыра, военного лидера казахского рода шапырашты.

Обсуждение

По тематике истории Казахстана и России в Средней Азии, в частности событий, происходивших на территории Большой орды (современная Алматинская область, южный Казахстан, а также часть Республики Кыргызстан) в период второй половины XIX века было написано много как строго научно-исторических работ, так и заметок офицеров и участников событий, воспоминаний, дневников, художественных и публицистических работ. Выделяются работы известного казахского исследователя, разведчика, ученого, писателя и очевидца многих событий – Ш. Уалиханова. Также широко известны работы П. Семенова-Тян-Шанского, И.В. Мушкетова. В данной работе использовался труд Н.А. Аристов, российского историка и востоковеда, собравшего огромное количество материалов и сведений, среди прочего, относящихся к указанному периоду.

В дальнейшем широко освещались как в научных изданиях, так и в прессе того времени Туркестанские походы, начало которых можно отсчитывать с 1864 года, с похода полковника М.Г. Черняева при активном участии казахских отрядов. В данной работе использованы воспо-

минания Г. Сяркового, семиреченского офицера, А.Н. Куропаткина, современный труд А. Пленцова.

Следует упомянуть и работы советского периода, среди которых выделяется труд казахского историка и исследователя Е. Бекмаханова.

Использованы труды иностранных путешественников и ученых того времени, в т.ч. Арминия Вамбери и Деметриуса Буглера.

Однако основой для данной работы являются материалы Центрального Государственного архива РК, в частности письма, списки, приказы и прочие документы, касающиеся изучаемого периода, географической локации и исторических личностей.

Результаты

С 1858 и до октября 1860 гг. батыр Суранши являлся деятельным участником нескольких экспедиционных и рекогносцировочных походов, был сторонником русской армии и союзником правительства в Алатавском округе. Он несколько раз был отмечен наградами «за заслуги», имел серебряную медаль и офицерский чин прапорщика армии (Центральный Государственный архив РК, 86:3). За 1859-1860 гг. он принял участие в двух успешных экспедициях и вплоть до вторжения кокандского войска под предводительством Канаат-Ша принимал деятельное участие в оборонительных, разведывательных и боевых действиях на стороне российских войск. Однако согласно гипотезе авторов: в октябре 1860 года несколько племен во главе со своими родоправителями и старшинами были вынуждены войти в состав и присягнуть военачальникам кокандского войска, поскольку они были застигнуты вместе со своими аулами на отдаленных кочевьях вторгнувшимися силами кокандцев, многократно превышавших в численности казахские отряды. Вследствие этого произошел разлад между Западно-Сибирским правительством и прежде преданными казахскими старшинами. При этом, начальник Алатавского округа Г.А. Колпаковский, судя по перепискам, не поддерживал упреков генерал-губернатора Г.Х. Гасфорда по отношению к вынужденно отложившимся союзникам, включая батыра Суранши. Сразу после разгромного для кокандских сил Узын-Агашского сражения, Г.А. Колпаковский продолжает активную переписку и сношения с казахскими биями и старшинами.

Отдельного внимания и более глубокого исследования заслуживает переписка Суранши-батыра и пристава Г.А. Колпаковского. Ее анализ может дать ответы на многие вопросы, поставленные в рамках данного исследования. Поэтому, по возможности, не сильно вдаваясь в рассмотрение изящной словесности, попытаемся передать и проанализировать кратко основные моменты, заслуживающие внимания. При этом, приведенные в данной работе отрывки из писем будут достаточно развернуты, чтобы лучше понимать общие и конкретные ситуации.

В октябре 1860 года произошло вторжение кокандского войска в пределы Алатавского округа, подконтрольного российскому правительству. Условной границей между Российской империей и Кокандским ханством на тот период можно считать реку Чу. Как по восточную сторону от реки (российские владения земель Большой Орды), так и по западную (кокандские владения), были разбросаны кочевья родов Старшего жуза, в том числе шапырашты, выходцем из которых был батыр Суранши. Вторжение кокандцев 1860 года закончилось Узын-Агашской битвой, однако, война продолжалась, т.к. крупное войско кокандцев было хоть и рассеяно, но не разгромлено окончательно.

Итак, 28 октября 1860 года, после Узын-Агашского сражения, которое подробнее описывалось в других работах авторов, Герасим Алексеевич пишет сразу нескольким биям шапырашты – Нарбуте, Саату и Суранши: «Известия, доставленные вашими родовичами, что кокандцы вторгнуться в наши пределы и будут воевать с нами – оправдались... Чапраштинский народ, что он был нечаянно увлечен силою хокандцев в свои скопища и я полагаю, что он не мог противостоять их силе. Я не обвиняю вас, почтенные батыры и бии, в этом соединении с хокандцами и как Чаян, приехавший ко мне вчера, не участвовали в драке с нами. Живя с вами много лет, вам был случай знать меня, а я знаю вас. Поэтому я прошу вас после удаления хокандцев, занять свои обычные кочевья, и приехать ко мне...» (ЦГА РК, 502:3). Здесь мы видим, что разведанные, которые еще с прошлых кампаний и экспедиций доставлял Колпаковскому батыр Суранши, он умудрился передать, даже находясь в войске неприятеля. Из слов Колпаковского следует, что бии предупредили о вторжении кокандцев, а это значит, что по-прежнему они проявляли преданность и служили во благо Алатавского округа. И опять же,

Колпаковский верит, что против воли, силой и количественным превосходством кокандцы вынудили биев вступить в их войска.

Вероятно, после Узын-Агашской битвы, где кокандцы потерпели поражение, шапырашты и другие роды ушли вместе с Канаат-Ша за р. Чу. Командующий неудачливым кокандским войском, ташкентский бек Канаат-Ша опасался преследования победителей, а Герасим Колпаковский приглашает казахские отряды покинуть его войско и не таясь возвращаться в пределы Алатавского округа, так как вины за ними не видит.

Но все же отношения между Суранши-батыром и приставом Колпаковским после октябрьского разлада остаются напряженными. Батыр Суранши не спешит воспользоваться приглашением и расположением начальника округа. Вероятно, один из его дальних родичей был схвачен в Верном, и потому он с негодованием пишет письмо Колпаковскому, однако, с соблюдением неизменного этикета и уважительного обращения к начальнику округа. Пристав отвечает с не меньшим удивлением, и пишет, что и у батыра в аулах пребывают двое русских пленных, которых тот должен был выручить у сартов и, приехав в Верный, обменять их (ЦГА РК, 402:21, 22).

Некоторые дополнительные сведения о том, чем занимался батыр Суранши в конце 1860 года дает письмо Шокана Уалиханова, человека, безусловно сведущего если не во всех тонкостях описываемых военных перипетий, то в общей обстановке в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве и Алатавском округе. Пишет он К.К. Гутковскому, бывшему приставу киргизов Большой орды и своему другу. «Уже неудовольствия между зачуйскими и нашими киргизами начались. И теперь сношения разорваны, всякий, перешедший за Чу теряет свободу на том основании, что Суранчи и Супатай выдали посланцев русским. Во всяком случае лучше было бы для нас, какие бы мы не имели виды на кокандские владения, не возбуждать против себя дикокаменных киргизов, которые после обременительных налогов и зякета, положенного в три раза более против прежних годов, ждут русских как избавителей» (Валиханов 1985:144).

Прежде чем приступить к анализу данного сообщения, процитируем также заметки и пояснения, данные изданием, чтобы убедиться в том, что речь идет о нужных нам людях: «Суранчи – старейшина (бий) рода чапрашты, сторонник сближения с русскими; Супатай – соратник Суранчи, бий Большой орды племени дулат. Оба

как герои воспеты в поэмах Джамбула» (Валиханов 1985:468). К сожалению, письмо не датировано, хотя в пояснении указывается приблизительная дата, исходя из сведений об отъезде Перемышльского, упоминаемого в письме, из Семиречья в Петербург, поскольку Уалиханов пишет о передаваемых приветях и поклонах этого человека. Отсюда, авторы издания предполагают, что письмо написано в начале октября 1860. Это не может быть точным определением, поскольку в письме также упоминается пленный Алишир-датха, бывший кокандский комендант Пишпека, которого Шокан Уалиханов предлагает освободить (по всей видимости это могло быть возможно только после Узын-Агашской битвы и постепенного ослабления напряжения между державами). Уалиханов пишет, что кокандцы в Пишпекке ждут русских, идущих для взятия этого укрепления. Однако известно, что полковник российской армии Циммерман в начале сентября взял Пишпек, а вместе с крепостью, вероятно, и пленил датху. Кроме того, крепость Пишпек временно перестала существовать, т.к. Циммерман ее срыл и уничтожил: «... работы по срытию ее были весьма затруднительны... на взрывы употреблено 107 мин, 217 пуд. пороха... В ночь на 11 сентября, перед выстулением, все строения вокруг крепости были наполнены удобосгораемыми веществами и преданы пламени» (Терентьев 1906:251). Тогда как кокандский главнокомандующий Канаат-Ша, приступил к восстановлению Пишпекской крепости только после отступления, т.е. точно после 21-22 октября, когда состоялась битва. «Прибыв на Чу, Канаат-Ша остался там зимовать... удержал часть войск и восстановил Пишпекскую крепость. Он находился здесь до марта 1862 года» (Аристов 2001:498). Таким образом, есть предположение о том, что письмо было написано позже, чем 1 октября, и вероятно, не раньше, чем Канаат-Ша встал с остатками войска в Пишпекке, а это примерно ноябрь 1860. Либо это имело место раньше, до срытия Пишпекской крепости, когда Суранши-батыр и Супатай-бий действительно могли пленить любого, перешедшего реку Чу и отправлять в Верное – к русской администрации. Если рассматривать вариант, что описанные Ш. Уалихановым события происходили после битвы, то в это время Суранши-батыр и Супатай-бий, вероятно находились западнее Чу, т.е. на кокандской стороне. И тогда получается, что Суранши и Супатай, «пленившие всех, переходящих за Чу и отправляющие их

русским» продолжали дружественные действия по отношению к Колпаковскому, несмотря на немилость генерал-губернатора Гасфорда.

Это также важно обозначить для обоснования гипотезы о невольном присоединении этих родоправителей к кокандскому войску и их содействию российскому правительству даже с кокандской территории.

Этим и заканчивается 1860 год. Суранши-батыр остается за пределами своих кочевий, вероятно, к западу от реки Чу. Г.А. Колпаковский ждет возвращения всех биев, возможно поневоле принявших участие в деле под Узын-Агашем на стороне кокандцев.

Ранее уже упоминалось об участии Суранши-батыра в экспедициях, в частности, первой половины 1860 года на стороне российских сил. Одной из них была Западно-Иссык-Кульская экспедиция, где он внес посильный вклад в успех предприятия. За свои активные действия он был представлен к награде. В списке султанов и киргизов Большой орды есть сведения следующего характера: «бий рода чапрашты, прапорщик Суранчи Хакынбеков в офицерском звании и в настоящем чине с 15 января 1859 года, в должности с 1847 года. Имеет серебряную большую медаль на шею. Жалования не получает. В штрафных и под судом не был» и далее пометка «представление от 18 ноября 1860 года за №2653: было прошено об исключении бия от наградного списка по причине отложения его от российского подданства...» (ЦГА РК 424:2, 20). Т.е. свою заслуженную награду за действительное участие в экспедиции, названной «за бои и взятие крепостей Токмак и Пишпек», Суранши-батыр не получил из-за последовавших событий при вторжении кокандского войска Канаат-Ша и вынужденного отложения.

Еще одно показательное письмо Г.А. Колпаковского от 19 марта 1861 года, на этот раз посланное бию, прапорщику Диканбаю Капсаланову бутбаевского рода, показывает: «племянник твой Коджегул, получив твою печать, сообщил мне что ты находишься за Чу, не охладел к нам преданностью, но только опасаясь прикочевать к нам. Я не знаю, чего ты боишься, когда ты не виноват? Неужели ты думаешь, русские не знают, что сарты увлекли вас к себе угрозами и силою? Вспомни русскую хлеб соль, и ты убедишься, что мы уважали и теперь уважаем твои лета... Государь наш объявил всепрощение. Скажи от меня это бию Суранчи и кланяйся ему...» (ЦГА РК 402:19, 20). Итак, племянник

бия Диканбая Коджегул, (вероятно, речь идет о Коджегуле Байсеркине, преданном российскому правительству казахе, участвовавшем в Узын-Агашском деле вместе с Колпаковским: «только султан Аблес, Коджегул Байсеркин, Куат и с десяток простых киргизов находятся при мне» – писал перед боями Колпаковский Гасфорду (Пичугин 1871:20), находится в Верном и имеет связь со своими родичами, которые после битвы оказались за Чу, на кокандской стороне. Вновь Колпаковский говорит о своем понимании того, что эти роды оказались среди кокандцев поневоле и что вины за ними не чувствует, тем более что он уже вытребовал официального прощения от генерал-губернатора в Омске и дальше от царя. Как известно Канаат-Ша, хоть и с поредевшим войском, до 1862 года находился в Пишпекке, и потому контролировал все кочующие вокруг казахские роды. Они не могли беспрепятственно сняться и перейти восточнее реки Чу, в Алатавский округ, хоть они того и желали. Колпаковский также это понимает, и просит найти предлог, чтобы укочевать. Как видно, о вражде после отложения между представителем русской администрации и казахскими родами речи даже не идет, а следуют заявления о взаимном уважении, в том числе бию Суранши, которому Колпаковский передает приветы через Диканбая. Это еще раз подтверждает принужденность «отложения» в октябре 1860 года.

Суранши-батыр и Г.А. Колпаковский продолжают переписку, но по-прежнему между ними, не считая политической составляющей взаимоотношений, есть натянутости, связанные с постоянными взаимными задержаниями людей и пленениями, в которых они друг друга обвиняют. Во всех этих хитросплетениях довольно сложно разобраться с имеющимися материалами, поскольку речь идет о военнопленных, об аманатах, о плененных в барымте, о захваченных «по случайности» или «незнанию» людях, как пишет Суранши-батыр, о плененных, взятых при внутриказахских распрях и даже внутриродовых столкновениях ведения Суранши-батыра, о шпионах и кляузах. Кроме того, следует отметить, что документы с переведенными текстами, а также письма Колпаковского часто писаны довольно сложным, трудно разбираемым почерком, и вдобавок следует учитывать вероятность не вполне точного перевода. Письма часто писались под диктовку с казахского языка, переводились на татарский или на языки Кокандского ханства (разновидности узбекских

диалектов) с использованием арабского алфавита, и позже переводились на русский язык. Этим обусловлено некоторое количество троеточий в приводимых отрывках текстов. Но, поскольку у автора нет ресурсов для проверки текстов, написанных на разных языках, разными почерками и их дополнительного перевода, работа и анализ были осуществлены по имеющимся в архиве материалам. Также надо отметить неизменно уважительный тон писем, и даже дружественность взаимных посланий, несмотря на политические сложности и частные противоречия между этими деятелями казахской истории.

Рассмотрим несколько писем. Можно полагать, что данное письмо было получено в марте 1861 года. Суранши-батыр пишет: «Начальнику Алатавского округа и киргиз Большой орды, Колпаковскому от Суранчи батыра, по засвидетельствованию премногих поклонов, следующее слово: ... убедясь в невинности и доверяя мне вы Куртыбая освободили и отправили ко мне с письмом, за что я остаюсь премного благодарен и до настоящего времени желаю вам всегда здоровья. Освободите также и джантаевского киргиза, если мне верите, ибо мы теперь вмешались в дело с Джантаем, который претендует на меня говоря, что я велел сыну Керима схватить его человека, чтобы выручить своего. Избавьте нас от этой претензии...» Этот отрывок дан для иллюстрации вышеозначенных перипетий. К сожалению, понять кто такие эти пленные трудно, однако, манап дикокаменных киргиз Джантай известен по перепискам и многим другим источникам. В частности, известно о его деятельном участии в последней битве хана Кенесары, на стороне, естественно, кыргызских племен (Бекмаханов 1992:334). Суранши-батыр, как бий, имеет с ним какие-то тяжбы и разбирательства. Но, не вдаваясь в предположения, заострим внимание на отношениях Суранши-батыра и Г.А. Колпаковского, хотя и любые сведения представляются важными. Далее батыр пишет: «...мы надеемся, что вы не думаете против нас дурного, а потому ... хотим прийти к вам на службу. Не верьте на нас наветам и клеветам... Сообразно с письмом вашим мы будем делать дело. Из Ташкента вышел отряд, о чем мы слышали и знаем наверное, но пока еще не чувствуем в каком числе. Все что хотите сказать нам лучше пришлите до прихода сюда того отряда и ... что будет особенного мы двое с вами переговорим лично, но не верьте только кляузам киргиз. К вам еще просьба. У нашего Бутпана Нарбута украл 5 лошадей, и ког-

да Бутпан поскакал за ними то Нарбута назвал его моим шпионом и выдал вам. Он не шпион и ездил по своему делу... Если верите мне и хотите, чтобы я ... спокойно с Нарбутою, отпустите того киргиза. Если вы не выдадите, то мы, хоть и будем под нашими ... будем с ним стреляться и рубиться. Или умру я или Нарбута...». (ЦГА РК 402:21-22). Помимо прочего, Суранши-батыр, в деловой манере, пишет о продолжении своей службы и вновь доносит сведения с «передовой» о вышедших из Ташкента отрядах. Ведь он по-прежнему находится за Чу, т.е. на неприятельской земле, и докладывает начальнику округа о передвижениях кокандских сил. Что же касается личных дел батыра, то вырисовывается явная неприязнь и даже смертельная вражда между ним и другим бием шапырашты – Нарбутой. Как видно Нарбута, в отличие от Суранши, находится на восточном берегу Чу и имеет личный доступ к начальнику округа, жалуется ему и порочит своего соперника. Суранши-батыр при этом, как настоящий батыр, пишет, что объяснится с Колпаковским при личной встрече и, во избежание беспорядков, просит Колпаковского уладить дело, а иначе грозитя воевать с Нарбутой, что очевидно крайне нежелательно, поскольку аулы Нарбуты находятся в ведении и под защитой Колпаковского. Суранши-батыр это осознает и пытается уладить дело мирно, дипломатическим путем, используя добрые личные отношения с начальником округа.

Колпаковский отвечает 23 марта 1861, и пишет по существу всех заявлений Суранши-батыра, касательно арестованных и пленных. Он вновь просит Суранши возвращаться с аулами на территорию Алатавского округа и благодарит за сведения о сартах.

Здесь следует пояснить термин «сарты», который в данной работе (и в письмах) зачастую используется при описании кокандцев, сарбазов, подданных кокандского хана. И хотя термин требует более точного определения, существует несколько версий его происхождения и значения. Приведем одно из имеющихся определений, которое было предложено венгерским путешественником, востоковедом и знатоком тюркских языков Арминием Вамбери. Он писал, что сартами тюрки называли аборигенов Трансоксании (Средняя Азия, в более узком понимании – Мавераннахр – междуречье Амударьи и Сырдарьи), при том, что слово, вероятно, заимствовано из персидского языка (Vambery 1868:337).

26 августа 1861, Суранши-батыр вновь гневается и пишет: «начальнику Алатавского округа и киргиз Большой орды, подполковнику Колпаковскому и его супруге от Суранчи батыра поклон. Мы сами здоровы и денно и ночью желаем вам здоровья ... Пришлите ... ко мне верного человека от себя и назначьте время моего прихода, но срок ограничьте побольше – Андас еще не вернулся из Ташкента, и я дожидаюсь его... Что касается новостей из Ташкента, то оттуда пришли передовые войска в небольшом числе в Пишпек, Мерке и Аулие-Ата, но сколько войск я еще не узнал, но когда узнаю положительно, сообщу вам с вашим посланником... Во всяком случае, находясь у Вас, я был доволен также Вами, и я в настоящее время не имею ничего враждебного противу Государя... мой человек, высланный в караул, по незнанию напал на вашего и ранил его лошадь. Может быть вам много клеветают на меня, в последствии, когда мы придем к вам, то объяснимся... Я на одно сердит на вас, что вы сочли меня ... и поверили Нарбуте, не разберясь справедливо и ... сослав в Сибирь моего близкого человека. Что же ваше правосудие? ... В прошлом году, когда пришло много сартов, мы остались среди них, а тогда кто как не я обо всем вас уведомлял, по моим уверениям, чувствам, Вы снарядились и выступили... Если бы мы были в войне против белого Царя, то находились бы на Его землях? Мы теперь находимся около Пишпека, ... а я нахожусь теперь между двумя ... Об остальном поговорю, когда приеду, нас же вы считайте в своих руках, и мы... хоть бы лишите головы, но приедем к вам. ... я не ребенок и двойко не говорю. Только прошу прислать верного человека скорее». (ЦГА РК 484:3, 4). Итак, сначала деловая сторона – доклад о передвижениях неприятеля напрямиком из их тыла. Суранши-батыр изъявляет преданность царю и далее говорит о личных делах. По-прежнему, по мнению батыра, бий Нарбута клеветает на него, и Суранши негодует по этому поводу. Далее он обозначает весьма важный момент: признавая то, что он оказался среди сартов перед Узын-Агашским делом, он, однако, не считает нужным оправдываться, не видит своей вины, ведь даже во время боевых действий и сам будучи в лагере неприятеля, именно он доставлял сведения об их войске Колпаковскому и по этим сведениям подполковник ориентировался. Это показывает то, что отложение было де-юре, и, вероятно, не добровольное, в то время как де-факто батыр

оставался верен присяге или, как минимум, добрым чувствам к Г.А. Колпаковскому лично.

6 сентября Колпаковский отвечает: «Чапраштинскому батыру, прапорщику Суранчи... вы сами изберите время прийти сюда, не боясь никакого наказания, ибо Великий Государь наш даровал за прошлое всепрощение, и вы сами знаете, что пришедшие к нам из-за Чу киргизы, которые участвовали с сартами не были наказаны, а кочуют здесь спокойно. Что же касается до Бутпана, то он не сослан в Сибирь, а находится в Семипалатинске и когда вы сюда придете, я его вам передам... если Нарбута спрашивал вас не кочевать сюда, под опасением казни, то я понимаю, что это он делал с целью остаться здесь главным бием в чапраштах. Вам следовало и следует этому не верить, а кочевать сюда, ибо вы по-прежнему ... будете в почести, может быть больше прежнего. Желая вам здоровья и ... посылаю ... фруктов...» (ЦГА РК 484:5). Как видно, на все претензии батыра Колпаковский отвечает и, более того, вероятно из личных дружеских чувств, заявляет, что знает об интригах Нарбуты против Суранши-батыра и его личных мотивах по этому поводу. Кроме того, по всей видимости, с последними письмами между этими мужами состоялся обмен какими-то личными подарками.

Похоже, Суранши-батыр в то время не вполне доверяет если не самому Колпаковскому, то тем самым кляззникам и интриганам, о которых он не раз упоминает в письмах. Вероятно, его отговаривали возвращаться восточнее Чу, наговаривали на Колпаковского и русское правительство и утверждали, что его ждет некая расправа, заключение или ссылка в Сибирь. Кроме отдельных свидетельств о таком ходе событий в вышеприведенных письмах, это подтверждает письмо Колпаковского Тазабеку Бусурманову из бузумовского рода 20 октября: «...я давно всем говорил, что вина Суранчи прощена, да и не так он был виновен в уходе от нас... и потому... я на него не сержусь и если он хочет прийти к нам, то пусть безобидно кочует» (ЦГА РК 484:20). Предположение авторов заключается в том, что Суранши-батыр расспрашивал через доверенных людей о возможных последствиях своего возвращения на родные кочевья. Ответ Колпаковского вновь однозначен, и слово его твердо. Отдельное внимание заслуживает высказывание пристава о том, что он-то и не чувствовал за батыром никакой вины. По всей видимости, это подтверждает напоминания батыра о предоставляемых им сведениях из вражеского лагеря во время похода Канаат-Ша.

Суранши-батыр в 1861 году так и не вернулся за р. Чу.

Его сомнения вполне подтверждает следующее его письмо, должно быть датированное началом 1862 года. Батыр пишет о новых делах, на сей раз касающиеся пленения казака Михайлы. Позже следуют разъяснения по его делам с кокандцами, которые нас интересуют: «вот еще Вам слово: ... пришел огромный отряд сартов, и я остался среди них. Придя сюда, я присягнул сартам, и потому, ... остался здесь. ... Албановские султаны извещали, что нам ни от Царя, ни от пристава зла не будет, а дулатовские султаны говорят, что пристав так заманивал ... Поэтому я и стал сомневаться. Наши киргизы говорят одно то, другой другое, а потому уведоьте... меня в этом по своему обычаю через моего посланного. ... Дайте мне хорошую ..., удостоверив ее печатями Царских офицеров, чтобы я дал клятву веры, как человек. Если же я этому уверению не... – не верьте больше и мне – я не буду больше рабом Бога и Пророка. Суранчи» (ЦГА РК 518:19). Наконец, сам Суранши-батыр пишет о том, что присягнул кокандцам поневоле, когда они пришли на его земли с большим войском. Говорит он и об опасениях возвращаться, так как разные его друзья и недруги дают противоречивые советы. Анализируя переписку того времени, нужно также обращать внимание на тот фактор, что письма не доставлялись мгновенно (конными и пешими переходами через доверенных лиц), и более того, доставка могла задерживаться. Еще одно условие касается переводов, для которых каждому из адресатов требовалось время, и в дополнение, они могли искажаться. Может быть поэтому, Суранши-батыр и Г.А. Колпаковский, вновь и вновь пишут, первый о своих опасениях и мотивации, второй о том, что вины его не чувствует и, если и имели место какие-либо прежние обвинения, то все давно забыто и прощено.

Колпаковский отвечает 6 апреля 1862 года: «Не верь тем султанам и киргизам, которые говорят тебе, что я обвиню тебя за прикочевку за Чу. Нарбута, Чергаш, Джаган и другие, как и ты, недавно участвовали с сартами, по возврату сюда, зла не видели, точно также и ты, кроме добра не получивший ничего, и я даю тебе слово ничего худого не делать и потому если твое желание прикочевать сюда, ..., поспешай... Спасибо тебе, что ты задержал у себя казака Михайла, увезенного Худай-бергенном... Я верю, ты ради дружбы его возвратишь сюда скоро, возврат же его я сочту твоей заслугой... Будь здоров и не бойся,

кочевать... я верю тебе по-прежнему» (ЦГА РК 518:21). Герасим Алексеевич, помимо заверений в безопасности перекочевки и почете для Суранши-батыра, по-дружески просит его поспешить, чтобы успеть занять хорошие пастбища жайляу.

Г.А. Колпаковский понимал ситуацию и глубоко разбирался в специфике местных отношений и распрей. Как приставу киргиз Большой орды, это было ему положено по должности, однако, кроме того, что он являлся большим специалистом по здешним делам, замечено его сочувствие и дружеское расположение к некоторым деятелям, помимо Суранши-батыра. Поскольку бий Супотай упоминается у Ш. Уалиханова, а также неоднократно описывался как друг и соратник Суранши-батыра, приведем такой пример: «В бытность мою с рекогносцировочным отрядом за р. Чу, ... из бутбаевских биев – Супотай обратился ко мне с просьбой о возврате ему из плена его сына, находящегося в руках Каркаралинских Киргиз, куда он ... ездил на барымту. Донося об этом Вашему Превосходительству, я имею честь покорнейше просить, если возможно будет, приказать кому следует освободить из плена означенного сына бия» (ЦГА РК 518:51), писал Колпаковский 27 мая 1862 года начальнику штаба и просил о содействии в деле освобождения из плена сына казахского бия.

Тем временем, в 1861 году, в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, куда входил Алауавский округ, сменяется начальник. Новым генерал-губернатором назначен генерал от инфантерии А.О. Дюгамель. 16 июня 1862 года он пишет Колпаковскому в Верный: «ходатайство Вашего Высокоблагородия, изложенное в донесении №913, о прощении вины отложившихся от нас, под влиянием страха, при вторжении 20000 скопища Кокандцев в 1860 году, биев: Чапраштинского прапорщика Суранчи и Дулатовских Диконбая, Ачикея, Супотая и других я принимаю... кочуя мирно в наших пределах, они могут быть покойны и презирать угрозы Кокандцев» (ЦГА РК 518:43). Это уже официальное прощение всех отложившихся биев. Здесь также утверждается факт того, что Г.А. Колпаковский лично ходатайствовал о помиловании, упоминая в донесении конкретных людей, которым он верил, и которых ценил. Он передает приказ генерал-губернатора Суранши-батыру 12 июля, именуя его уже по русскому этикету, официально, прапорщиком Суранчи Хакынбековым. «Письмо Ваше я получил и очень рад, что ваши родовичи пришли сюда... не мешает

и Вам с ними приехать и я могу тогда подарить вам кафтан и эполеты, которые отобрали сарты. По моему ходатайству Вам, Диконбаю, Супотаю, Андасу и всем прочим генерал-губернатор даровал прощение...» (ЦГА РК 518:45).

Напомним, что как раз в 1862 году, Канаат-Ша покинул Пишпек, поскольку в Коканде в этом году состоялась очередная смена хана, и ташкенский бек активно поддерживал Худайар-хана, вновь занявшего престол (Boulger 1878:82-83). Худаяр, как и Малля хан, принадлежал к узбекской династии Мингов, «правившей в Коканде с XVII века» (Soboleff 1876:26). Именно он, помимо основного героя – Суранши-батыра, является одним из основных персонажей поэмы Жамбыла Жабаева, которая упоминалась в данной работе и может считаться дополнительным, художественным источником для изучения жизнедеятельности батыра.

В пояснения к запискам о Кокандском ханстве Ш. Уалиханова написано: «По его [Канаат-Ча/Кана 'ат-шах, авт.] инициативе после известия об убийстве Малля-хана (24 февраля 1862 г.) военачальники в Туркестане пригласили на трон Худайар-хана. Тогда Кана 'ат-шах носил звание аталыка (регента, авт.). После вторичного воцарения Худайар-хана (1862 г.) был послан для переговоров к бухарскому эмиру, но через несколько дней был казнен последним» (Валиханов 1985:380). Следовательно, в том году ослабло кокандское влияние и контроль за казахскими родами, желавшими перекочевать обратно за Чу. Поэтому можно предположить, что с отбытием сильного и влиятельного кокандского военачальника, для казахских родов наконец была предоставлена возможность вернуться, как со стороны Российской империи, так и со стороны Кокандского ханства.

В середине лета 1862 года Суранши-батыр пишет Колпаковскому: «... дикокаменные киргизы у ... батыра угнали лошадей и когда Чин-Асыл с Супатаем бросились преследовать барымту, то были схвачены и ... в плен. Из числа захваченных у нас людей, один возвращен и говорит, что барымту угнал Сарыбагыш ... Теперь мы покорнейше просим об одном: ... нельзя ли его приказать возвратить на разных наших людей. Не мешало бы Вам написать грозные письма ...» (ЦГА РК 517:15). В следующем письме Суранши-батыр просит у Колпаковского 3-х казаков в помощь для выручки своих друзей. По всей видимости, происходят раздоры и барымта между дулатами, шапырашты и каракиргиз-

скими сарыбагышами. Это важно понимать для того, чтобы не впасть в заблуждение: Суранши-батыр мог предпринять попытку разобраться с сарыбагышами и самостоятельно, как и наоборот, подвергнуться их нападению, однако, будучи подведомственным Г.А. Колпаковскому, без его санкции воевать друг с другом никто не решался.

Есть мнение, что Суранши-батыр писал Колпаковскому не только как начальнику округа, но и по-дружески, просил уладить дело «грозным письмом», т.е. попытаться избежать кровопролития. И Колпаковский удовлетворяет просьбу, что говорит о том, что он доверяет Суранши-батыру, как и всегда. 10 августа он пишет то самое «грозное письмо» сарыбагышскому манапу: «Чапраштинский Суранчи уведомил меня, что ваши киргизы угнали у него лошадей и захватили в плен Чин-Асыла и Супатаю. При ... твоим ты давал слово не брать барымты у наших киргизов, ты же сделал его и потому я тебя прошу все возвратить, а равно и Чин-Асыла с Супатаем. Если же это не будет исправлено, то может представится случай, что ты снова попадешь к нам в руки и мы сведем с тобой счеты. Послушайся пока доброго совета!» (ЦГА РК 517:18). Суранши-батыру он написал об этом также и, уверенный в действенности своего строгого требования к манапу, просит Суранши пригласить того на переговоры. Но из некоторых фрагментов дальнейших писем ясно, что Супотая из плена воротить не удалось и 19 сентября Колпаковский просит Суранши прикочевать поближе, чтобы при личной встрече посоветоваться по делам батыра. Вероятно, у начальника был некий план относительно того, как обменять пленного Супотая на другого человека, чтобы не допустить серьезного столкновения между Суранши-батыром и сарыбагышским манапом. Чем закончилось данное конкретное дело пока остается неизвестным, однако, из последующих материалов видно, что Суранши-батыр все-таки предпринял ответные действия против каракиргизских манапов. Не понятно, связано ли это дело конкретно с пленением Супотая, но ясно, что вражда и барымта продолжались.

Больше писем Суранши-батыра Колпаковскому пока не было найдено, однако, его враги продолжали жаловаться на него начальнику. Следующие письма, где упоминается Суранши датированы через большой промежуток времени – 21 декабря 1863 года. Байтык-батыр пишет Колпаковскому: «В подведомственных мне во-

лостях чапраштинский Суранчи угнал 180 лошадей» (ЦГА РК 167:91). Вероятно, это письмо написано упоминаемым Аристовым манапом рода султу Байтыком Канаевым. Он, как и казахские бии, до 1862 года стоял за Чу под ведомством кокандского военачальника Канаат-Ша в Пишпеке. «После удаления в Ташкент Канаат-Ша, в виду слабости коканцев вследствие внутренних смут, Байтык перестал слушаться пишпекского коменданта» (Аристов 2001:507). По сведениям Аристова и Хорошхина, это человек с очень интересной судьбой и его жизнедеятельность заслуживает отдельного исследования, поскольку, как видно, он принимал активнейшее участие в делах региона, имел тесные сношения с казахскими биями и русскими офицерами.

Небезызвестный нам манап каракиргизов Джантай Карабеков, который по всей видимости расторился с Суранши, пишет еще более веско: «... прошу вас выставить пикет на реке Чу, за что буду вам весьма благодарен. Суранчи батыр изменил, во-первых Богу, во-вторых Царю, Вам и Бутакову, а также забыл свое дружество со мною. Прошу вас позволить мне решиться с Суранчи батыром по нашим обычаям, но впрочем располагаюсь на ваше благоусмотрение» (ЦГА РК 167:100). Здесь можно добавить лишь то, что действительно раньше между манапом Джантаем и Суранши были дружественные отношения. И все же, как прежде батыр Суранши уведомлял, что хочет биться с Нарбутой, так теперь манап Джантай просит у Колпаковского разрешения воевать с Суранши-батыром, вероятно, зная об их если не дружеских, то довольно благожелательных отношениях. Последний тезис будет ниже подтвержден.

Итак, на открытой вражде с каракиргизами манапа Джантая и на конфликте с батыром Байтыком пока и ограничиваются сведения о жизни и деятельности Суранши-батыра в 1863 году. Впоследствии мы увидим, что ссора и дальнейшее противостояние с манапом сарыбагышей развернулись в серьезные столкновения.

Уже в начале 1864, 24 февраля, генерал-майор Колпаковский докладывает корпусному командиру: «...преданный нам из дикокаменных манапов племени сарыбагыш рода тыпай Джантай Карабеков доставил нам три прокламации... На днях вследствие моих настояний, освобождены из плена прапорщик Суранчи Хакимбеков и брат его бий Андас, которые доставили известия, что зачуйские племена черных киргиз с наступлением ранней весны намерены кочевать по

Таласу» (ЦГА РК 167:121). Отсюда мы видим, что вследствие вражды между сарыбагышами и Суранши-батыром, последний попал в плен, причем вместе со своим младшим братом и соратником Андасом. Г.А. Колпаковский, вероятно, пользуясь своим авторитетом среди сарыбагышей Джантая, выручает батыра и его брата из плена.

На этом работа в Центральном Государственном архиве РК по поиску сведений о Суранши-батыре была завершена. Остается описать жизнь и деятельность батыра в контексте исторических событий через историческую литературу, поскольку последующим писем и списков с упоминаниями о нем пока не найдено.

В 1864 году сибирские батальоны, наступая вверх по реке Чу, шли навстречу оренбургским батальонам, продвигавшимся вверх по Сыр-Дарье. Первых вел Черняев, вторых Веревкин (Абаза 1902:66). На землях между фортом Верный и фортом Перовский, подведомственных кокандскому хану, кроме «трех значительных хокандских крепостей: Туркестан, Аулие-Ата и Пишпек (Saray 1982:8), был еще город-крепость Чимкент, где предполагалось соединение двух русских линий крепостей.

Выйдя из укрепления Верное, Зачуйский отряд полковника М.Г. Черняева быстро продвигается вглубь тогдашней кокандской территории. 4 июня Черняев с ходу взял штурмом крепость Аулиеата, 22 сентября он захватил Чимкент (Пленцов 2020:22).

Подробное описание этих интереснейших событий, учреждение Новококандской линии укреплений, взятие полковником Веревкиным с оренбургским отрядом Туркестана, а Черняевым Мерке, Аулие-Ата, Чимкента и Ташкента, также не входит в задачи данного исследования. Однако для понимания дальнейших событий, следует рассматривать общий фон процессов и исторический контекст. Нам важно отметить, что при выходе Зачуйского отряда тогда еще полковника М.Г. Черняева, с ним следовал отряд из 1000 казахов-милиционеров или союзной конницы. Предположение авторов заключается в том, что Суранши-батыр либо был одним из командиров этого отряда уже от Верного, либо присоединился к союзным милиционерам-казахам позже, во время похода, но не позднее сентября 1864 года.

«С подчинением ген.-майору Черняеву войск, расположенных в Туркестане, он сосредоточил к 19-ому сентября 1864 года к Чимкенту 10,5 рот, 13 орудий и 5 мортир, 2,5 сотни каза-

ков и 1000 милиционеров из вновь принявших наше подданство киргиз» (Куропаткин 1899:14). О 1000 человек милиции пишет и очевидец событий, офицер Гиллярый Сялковский, однако, у него речь идет о союзной коннице казахов, шедшей с отрядом Черняева от самого Верного: «здесь мы простояли четыре дня в ожидании отправленных еще из Верного транспортов с провиантов, а также милиционеров-киргиз, спешивших из всех концов Алатауского округа присоединиться к отряду... Таких охотников-милиционеров впоследствии насчитывалось при отряде до 1000 человек» и далее, уже к сентябрю 1864: «На другой день прибыл отряд под начальством полковника Лерхе, из Аулиеата... За отрядом этим тянуло до 1000 человек киргизской милиции» (Сялковский 1891:361). И те, и другие сведения подтверждает Терентьев. Поэтому можно заключить, что были в отряде и казахские милиционеры, шедшие с самого Верного, были и присоединившиеся на занятых кокандских владениях. «Черняев двинулся далее на занятую коканцами высоту Тек-Турмак, командующую городом, с авангардом из роты стрелков, сотни казаков и киргизской милиции». Далее, когда Черняев в первый раз подступает к Чимкенту, около 10 июля указывается, что все киргизы бежали к Черняеву, однако они были плохо вооружены. Но все же он принял около 1000 человек милиции (Терентьев 1906:277, 285).

Итак, во второй половине сентября Черняев, уже будучи генерал-майором и командующим совместными сибирскими и оренбургскими силами, подступает во второй раз к Чимкенту и на этот раз берет город.

Во время осады и штурма происходит стычка под городом Сайрам, расположенном недалеко от Чимкента. Сайрамцы захватили русского солдата с несколькими верблюдами. «На другой же день послан был под Сайрам отряд под командою поручика Абрамова, из 60 казаков, 38 чел. конных стрелков и 1000 киргиз при одном оружии с требованием возвращения захваченного солдата и верблюдов. Старшины по требованию Абрамова выехали навстречу отряду и, отвергая справедливость обвинения, просили, однако, 1 день сроку для разыскания требуемого. Тогда Абрамов послал казаков и 50 киргизов в город, приказав им, «не предавая его совершенному разорению, стараться захватить весь находящийся там скот». Жители впустили сначала эту партию, но, видя ее действия, заперли за нею ворота и принялись за истребление попавшихся в

западню врагов... Подвезено было оружие, которое разбило ворота... Оставив ворота, Абрамов впустил в город всю киргизскую милицию, предоставив ей распоряжаться как она знает... Вся потеря наша состояла из 2-х убитых, 6 раненых и 9 контуженных камнями. Убитых в милиции до 10 человек, в том числе и почетный бий, прапорщик Суранчи». (Терентьев 1906:294, 295). Довольно объемная цитата дана здесь потому, что это единственные более или менее развернутые сведения, описывающие обстоятельства гибели батыра Суранши.

Еще в начале года Суранши-батыр пребывал в плену у каракиргизов, и к концу февраля по ходатайству Колпаковского был освобожден, принеся с собой очередные разведанные о кочевках каракиргизов. Весной из Верного выдвигается отряд Черняева и предположение, сделанное выше, строится на том, что Суранши-батыр присоединился к отряду около Верного в составе отряда казахской милиции, который и был потом задействован в боевых операциях. Гипотетически, Суранши-батыр мог присоединиться к отряду и за р. Чу, но это маловероятно, поскольку, по всей видимости, к 1864 году он уже прикочевал восточнее Чу, так как много раз Герасим Алексеевич уверял его в необходимости и полной безопасности такого решения. Кроме того, Терентьев пишет, что казахи, присоединившиеся к Черняеву под Чимкентом, т.е. новые подведомственные, изъявившие желание не только жить вместе, но и воевать на стороне русских, предпочтя их регенту Алимкулу из Коканда, известному своей жестокостью по отношению к податному населению, были плохо вооружены и не представляли из себя скольконибудь серьезной боевой силы, в то время как казахи Алатавского округа, тем более руководимые таким известным и предприимчивым батыром, как Суранши, были известны своими боевыми навыками в качестве легкой кавалерии, о чем писал еще генерал-губернатор Гасфорд, предупреждая об опасности враждовать с ним (ЦГА РК 33:53, 54). Поэтому, вероятнее всего, Суранши-батыр был среди казахских милиционеров Алатавского округа, и принимал активное участие во взятии Сайрама.

Есть упоминание о гибели батыра и у Пичугина. Впервые написав о прапорщике Суранши в своей работе «Вторжение кокандцев в Алатавский округ в 1860 году», изданной 19 ноября 1871 года, т.е. спустя 11 лет после Узын-Агашской битвы и около 7 лет после гибели батыра, он

в дает сноску о его судьбе: «Убит в 1864 г., под Сайрамом, близ Чимкента» (Пичугин 1871:10).

Заключение

В результате исследования художественных произведений, заметок очевидцев и современников, исторических научных работ, частных и официальных переписок была прослежена жизнь и деятельность Суранши-батыра. Описаны исторические события регионального масштаба, личные дела и процессы, в которых принимали участие деятели казахстанской истории.

Жизнь батыра Суранши удалось рассмотреть и изучить, бесспорно, недостаточно. Многое остается непонятным, большей части жизни пока вовсе не удалось отследить по научным источникам и документам. Однако исходя из того, какое малое количество информации о батыре было найдено в открытом доступе в Интернет-пространстве до проведения данного исследования, можно заключить, что после проделанной работы и с найденным в результате дополнительным объемом данных, жизнь батыра и бия Суранши может быть освещена несколько обширнее.

Исторический обзор деятельности батыра, интерпретация мотивов, общее описание событий, приведенные в исследовании, могут быть использованы для освещения жизни как самого

Суранши, так и многих других исторических лиц для школьников и студентов ВУЗов, исследователей данного периода казахстанской истории, а также знатоков и любителей истории Казахстана и России.

Не меньший интерес для дальнейших исследований вызывают батыры, бии, акыны, офицеры, архитекторы, путешественники и ученые, оставившие свой след в казахской и казахстанской истории того периода. Мало сведений найдено в открытом доступе о Саурык батыре, биях Супотае и Диканбае, и даже о представителях рода торе, таких как султаны Тезек Нуралин, Сыздык Кенесарыулы, Джангазы Сюков и т.д. Среди деятелей, внесших весомый вклад в развитие края, есть представители разных национальностей, такие как Г.А. Колпаковский, П.М. Зенков, П. Гурдэ, И. Габдулвалиев, кыргызские манапы и батыры, некоторые из которых были упомянуты в рамках данной работы, татарские и ташкентские купцы и промышленники, представители творческих профессий. Как видно из данной работы, многие из этих деятелей состояли в личных отношениях, вели переписки, которые могут быть очень ценны в процессе изучения как частных историй личностей, так и общей истории края.

Автор выражает благодарность Центральному Государственному архиву РК.

Литература

- Абаза К.К. (1902). Завоевание Туркестана. – С.-Петербург: типография М.М. Стасюлевича. 311 с.
- Аристов Н.А. (2001). Усуни или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Б.: Илим. 582 с.
- Бекмаханов Е. (1992). Казахстан в 20-40-е годы XIX века. – Алма-Ата: «Қазақ университеті». 400 с.
- Валиханов Ч.Ч. (1985). Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии. 416 с.
- Валиханов Ч.Ч. (1985). Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии. 528 с.
- Куропаткин А.Н. (1899). Завоевание Туркмении. (поход в Ахал-Теке в 1880-1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии 1839-1876 гг. С.-Петербург. 224 с.
- Пичугин П. (1871). Вторжение кокандцев в Алатавский округ в 1860 году. Военный сборник. – Верный. https://www.academia.edu/40194578/Пичугин_П_Вторжение_коканцев_в_Алатавский_округ_в_1860_году_Военный_сборник_1872_5
- Пленцов А. (2020). Дело под Иканом. Сотня против тысяч. – М.: Пятый Рим. 272 с.
- Сярковский Г. (1891). Воспоминания офицера о Туркестанских походах 1864-1865 гг. Военный сборник. 357-381 сс. https://www.academia.edu/56190039/Сярковский_Г_Воспоминания_офицера_о_Туркестанских_походах_1864_1865_гг_Военный_сборник_1891_2_3
- Терентьев М.А. (1906). История завоевания Средней Азии. Том 1. СПб: Типолитография Комарова В.В. 510 с.
- ЦГА РК [Центральный Государственный архив РК]. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Лл. 53, 54.
- ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 86. Л. 3.
- ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 167. Лл. 91, 100, 121.
- ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 402. Лл. 19, 20, 21, 22.
- ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 424. Л. 2.
- ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 484. Лл. 3, 4, 5, 20.

- ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 502. Л. 3.
ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 517. Лл. 15, 18.
ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 518. Лл. 19, 21, 43, 45, 51.
Boulger C.D. (1878). *The Life of Yakooob Beg; Athalik Gazi, and Badaulet; Ameer of Kashgar*. – London: Wm H. Allen and Co. 344 p.
Vambery A. (1868). *Sketches of Central Asia*. – Philadelphia: J.B. Lippincott and Co. 444 p.
Saray M. (1982). *The Russian conquest of central Asia*. *Central Asian Survey*, 1:2-3, pp. 1-30, DOI: 10.1080/02634938208400394
Soboleff L. (1876). *Latest History of the Khanates of Boukhara and Kokand*. – Calcutta: Foreign department Press. 31 p.

References

- Abaza K.K. (1902). *Zavoevanie Turkestana [Conquest of Turkestan]*. S.-Peterburg: M.M. Stasyulevich. 311 s.
Aristov N.A. (2001). *Usuni ili kara-kyrgyzy: Ocherki istorii i byta naselenija zapadnogo Tjan'-Shanja i issledovanija po ego istoricheskoj geografii [Usuns or Kara-Kyrgyz: Essays on the history and life of the population of the Western Tien Shan and research on its historical geography]*. B.: Ilim. 582 s.
Bekmahanov E. (1992). *Kazahstan v 20-40-e gody XIX veka [Kazakhstan in the 20-40s of the XIX century]*. Alma-Ata: «Kazakh University». 400 s.
Valihanov Ch.Ch. (1985). *Sobranie sochinenij v pjati tomah. Tom 3. [Collected works in five volumes. Vol. 3]*. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy enciklopedii. 416 s.
Valihanov Ch.Ch. (1985). *Sobranie sochinenij v pjati tomah. Tom 5. [Collected works in five volumes. Vol. 5]*. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy enciklopedii. 528 s.
Kuropatkin A.N. (1899). *Zavoevanie Turkmenii. (Pohod v Ahal-Teke v 1880-1881 gg.). S ocherkom voennyh dejstvij v Srednej Azii 1839-1876 gg. [Conquest of Turkmenistan (campaign in Akhal-Teke in 1880-1881). With an outline of military operations in Central Asia 1839-1876]*. S.-Peterburg. 224 s.
Pichugin P. (1871). *Vtorzhenie kokandcev v Alatau v 1860 godu [The invasion of the Kokand army into the Alatau district in 1860]*. Military collection. – Vernyj (in Russian) https://www.academia.edu/40194578/Пичугин_П_Вторжение_кокандцев_в_Алатавский_округ_в_1860_году_Военный_сборник_1872_5
Plencov A. (2020). *Delo pod Ikanom. Sotnja protiv tysjach [The battle of Icahn. Hundreds versus thousands]*. M.: Fifth Rome. 272 s.
Sjarkovskij G. (1891). *Vospominanija oficera o Turkestanskih pohodah 1864-1865 gg. [Memoirs of an officer about the Turkestan campaigns of 1864-1865]*. Military collection. 357-381 ss. https://www.academia.edu/56190039/Сялковский_Г_Воспоминания_офицера_о_Туркестанских_походах_1864_1865_гг_Военный_сборник_1891_2_3
Terent'ev M.A. (1906). *Istorija zavoevanija Srednej Azii. Tom 1. [History of the conquest of Central Asia. Vol. 1]*. SPb: Tipolitografiya Komarova V.V. 510 s.
CSA RK [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. F. 3. Op. 1. D. 33. Ll. 53, 54.
CSA RK [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. F. 3. Op. 1. D. 86. L. 3.
CSA RK [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. F. 3. Op. 1. D. 167. Ll. 91, 100, 121.
CSA RK [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. F. 3. Op. 1. D. 402. Ll. 19, 20, 21, 22.
CSA RK [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. F. 3. Op. 1. D. 424. L. 2.
CSA RK [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. F. 3. Op. 1. D. 484. Ll. 3, 4, 5, 20.
CSA RK [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. F. 3. Op. 1. D. 502. L. 3.
CSA RK [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. F. 3. Op. 1. D. 517. Ll. 15, 18.
CSA RK [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. F. 3. Op. 1. D. 518. Ll. 19, 21, 43, 45, 51.
Boulger C.D. (1878). *The Life of Yakooob Beg; Athalik Gazi, and Badaulet; Ameer of Kashgar*. – London: Wm H. Allen and Co. 344 p.
Vambery A. (1868). *Sketches of Central Asia*. – Philadelphia: J.B. Lippincott and Co. 444 p.
Saray M. (1982). *The Russian conquest of central Asia*. *Central Asian Survey*, 1:2-3, 1-30, DOI: 10.1080/02634938208400394
Soboleff L. (1876). *Latest History of the Khanates of Boukhara and Kokand*. – Calcutta: Foreign department Press. 31 p.